

ЦОЙ Любовь Николаевна — к.соц.н., руководитель исследовательского комитета «Социология конфликта» Российского общества социологов (117219, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; tsoi-05@mail.ru)

МАГДЕЕВ Денис Хафизович — член исследовательского комитета «Социология конфликта» Российского общества социологов (117219, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; magdden@gmail.com)

КОНФЛИКТ: ДВА ЗНАКОВЫХ КОНТЕНТА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается значимость «советского проекта» для понимания глобальных процессов в мире. Авторы раскрывают специфику конфликта как социального объекта в контексте методологии социального познания А.А. Зиновьева; рассматривают две институционализированные формы конфликтного взаимодействия. Раскрывается содержание в конфликте двух коммуникативных стратегий, в основании которых лежат два сложно соотносимых знаковых контента понимания и коммуникации.

Ключевые слова: «советский проект», методология социального познания, глобализация, конфликт как социальный объект, стратегии в конфликте, формы конфликтного взаимодействия, коммуникация, конфликт идей

Преамбула

Распад СССР обнажил кризис гуманитарных наук, т.к. в основании их рождения и развития была положена идея конфликта двух идеологий — отечественной (социалистической/коммунистической) и западноевропейской (буржуазной). После распада СССР гуманитарные/общественные науки в России были лишены идеологической составляющей, и конфликт идей оказался ничтожным перед открывшимися возможностями развития демократии и рыночных отношений по западному образцу.

Российские исследователи стали искать новые подходы и парадигмы, позволяющие осознать природу конфликтов вне советской/коммунистической идеологии. Исследование конфликтов выводит нас в более обширную область наук о человеке, в которых проблемы борьбы добра и зла, сущего и должного, автономности и совместности, истины и лжи находятся в центре внимания философов, психологов, историков, политиков, писателей и каждого мыслящего человека.

В Россию конфликтология пришла с Запада в 1990-х гг., но только через 25 лет стало ясно, что направление мысли западной конфликтологии тщательно уводит в сторону от рефлексии исторических процессов и реального положения дел на глобальном уровне как предельной рамки рассмотрения конфликтных процессов в мире. Необходимо констатировать, что западная конфликтология не дает ответы на многие вопросы, а российская находится на этапе критического переосмысления конфликтологического инструментария, пришедшего в Россию с Запада. Гуманитарные/социальные знания в странах Запада и США носят сугубо инструментальный характер, видимо, поэтому американские исследователи разрабатывают все социальные концепции как универсальные, чего нельзя сказать о социальных науках в России [Радаев 2000: 213]. Возможно, этот факт позволит понять действия США на международной арене, т.к. с точки зрения технологии они повторяются, например, при экспорте революций для свержения власти в различных странах (с 1953 г. США, как минимум, 80 раз организовывали успешные или неудачные перевороты в зарубежных странах¹).

События в Украине показали, что действия стран ЕС и США в конфликтах отличаются от действий России на мировой арене. Есть основания полагать, что между тем, что пишут современные западные конфликтологи о конфликтах, и тем, что

¹ Дэвис Н. Американская машина государственных переворотов: уничтожение демократии с 1953 года — *AlterNet*, США. Доступ: http://inosmi.ru/world/20140415/219565444.html?utm_source=fb1 (проверено 17.07.2015).

делают страны ЕС и США, не только большая разница, но и большие эпистемологические проблемы познания. Проблемами познания социальных объектов занимался советский, а затем российский философ А.А. Зиновьев. После его многочисленных работ общественному сознанию России и всему миру стала понятна историческая значимость «советского проекта», ценность Российского государства в мире, а также опасность для России исчезнуть с лица земли.

Методология социального познания А.А. Зиновьева опирается на вполне определенные онтологические предпосылки, касающиеся природы объектов, с которыми имеет дело социальное познание. Зиновьев называет их социальными объектами — как объединения людей, так и людей как членов таких объединений. Содержание социальных объектов во многом зависит от процесса и результата публичной коммуникации между всеми субъектами взаимодействия и многочисленными наблюдателями. «О социальных объектах думают почти все нормальные здоровые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Та, что всякий человек — в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования» [Зиновьев 2011: 162]. Конфликт как эмпирический объект относится к социальному объекту, феноменально наблюдаемому, данному в опыте; его «строят»/конструируют объединения людей и люди как члены таких объединений. Но что-то знать о социальных объектах и научно понимать их — не одно и то же. «Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований» [Зиновьев 2011: 165]. Социальные объекты, как объекты эмпирические, возникают, исчезают, претерпевают трансформации.

Социальные объекты, изучаемые логикой, являются результатом деятельности человека в том смысле, что они не даны в готовом виде ни в природе, ни в языке — люди создают их. Так, например, процесс глобализации происходит естественно, а создание сверхобщества конструируется западными политтехнологами и политиками, создается искусственно. А.А. Зиновьев содержательно раскрыл процесс глобализации и выделил в ней две составляющие.

1. Объективный процесс расширения и углубления связей между государствами, странами, народами, различными сферами жизни общества. Устанавливается мировой порядок, когда в каждой точке, в каждом регионе планеты отражаются общемировые процессы. Сами объективные законы организации больших масс людей детерминируют движение стран, народов навстречу друг другу. В этом смысле глобализация — закономерное явление, противиться ей бессмысленно.

2. Инструмент экспансии Запада, понимаемого как определенная система устройства общества (западнизм), на весь мир. Глобализация выступает как мировая война нового типа, как экспансия политическая, экономическая, социальная, культурная, обеспечивающая Западу господствующие позиции в мире.

Формирующееся в ходе глобализации сверхобщество будет представлять собой не горизонтальную сетевую структуру, о которой так любят писать и говорить, а вертикаль с отношениями господства и подчинения, лидерства, управляемых и управляющих. Вполне естественно, что равенство, справедливость, благоденствие для всех стран и народов глобализация с собой не несет. События мирового развития и факты подтверждают этот логически обоснованный тезис. Глобализация протекает как управляемый процесс, обеспечивающий сохранение доминирования — политического, экономического, социального — для США и стран ЕС, в ее рамках рождаются, формируются новые центры силы, идет жестокая борьба за будущее. «Проблема будущего, интересующего нас, есть не просто проблема физического хода времени. Это проблема социального статуса будущего, отношения к нему людей, их поведения в социальном пространстве. И в этом смысле будущее человечества не валяется, как попало. Оно уже прибрано, в основном захвачено, поделено, упорядочено. Оно уже приготовлено для определенного способа использования» [Зиновьев 2011: 512]. Ключевым в становлении того или иного типа буду-

шего является фактор понимания, т.к. чем быстрее развиваются технологии, тем очевидней становится, что будущее, за которое идет ожесточенная борьба и войны, рассчитать нельзя.

Исследование конфликтов в мире и внутри конкретного общества/государства невозможно в принципе без понимания того, в каком мире мы живем и каковы перспективы сохранения российской государственности и русской культуры в процессе глобализации. Это обязывает исследователей обращать внимание на процессы исторической реконструкции конфликта идей, определявших становление и развитие России как государства. Так, «советский проект», при всех его недостатках, писал А.А. Зиновьев, был вершиной российской истории; это был великий социальный эксперимент, и он оказал огромное влияние на все человечество.

А.А. Зиновьев, критиковавший советскую власть, писал: «Советский коммунизм был явлением в рамках западноевропейской цивилизации, он впитал в себя все лучшие достижения последней. Он развил их дальше в сфере социальных прав человека, гуманизма, образования, просвещения, культуры, нравственности, устремленности в будущее, ориентации на духовные ценности и т.д. Он выступил главным защитником достижений западноевропейской цивилизации от покушений на них со стороны фашизма и национал-социализма. Он долгое время был силой, сдерживавшей наступление американизма на Западную Европу. Последняя оказалась фактически беззащитной от американской агрессии после краха советского коммунизма» [Зиновьев 2003].

После распада СССР США и страны ЕС объявили себя победителями, а Россию – проигравшей стороной и стали навязывать всему миру свои правила игры. Началась открытая трансляция и экспорт в другие страны технологий захвата власти («цветные революции», «революция бульдозеров», «революции роз», «революция тюльпанов», «революция кадров») [Казаков 2015].

Ситуация военного переворота и захвата власти на Украине вынудила Россию стать полноценным геополитическим игроком. Россия и США оказались в ситуации противостояния двух миров (условно) – русского мира и англосаксонского. Это уже конфликт не двух идеологических систем, а двух онтологически разных миров. Появились новая политическая действительность и целое поле новых конфликтов, пронизанных информационной и конциентальной войнами, в которых ложь выдается за правду, правда – за ложь, интерпретации – за факты, реальные факты игнорируются, конструируются мемы, которые начинают жить самостоятельной жизнью. Понять конфликты, исследовать их как социальные объекты познания невозможно вне поиска ответа на вопрос: «Как устроен современный глобальный мир, информационно замыкающий в себе конфликтное противостояние двух систем: стран ЕС и США и России?»

В культуре каждого народа можно выделить две институционализированные формы конфликтного взаимодействия. Культурно значимым (субкультурным) способом разрешения морально-нравственных противоречий между представителями дворянского сословия в России являлась дуэль [Козер 2000]. Она, как правило, восстанавливала «честь и достоинство» – уважение и самоуважение. В этом своем качестве дуэль выполняла, несомненно, конструктивную роль в деле воспроизведения дворянина (образа дворянина) как представителя военно-служилого сословия. Дуэль также выполняла и «психогигиеническую» функцию, т.к. ставила «потенциально разрушительную агрессию под социальный контроль» и давала прямой выход враждебности, существующей между членами общества. Социально контролируемый конфликт таким образом «очищал воздух» и позволял участникам возобновить отношения. Дуэль культивировала такие сословные ценности и полезные качества, как дворянская честь, верность данному слову (присяге), мужество, владение оружием. Закат института дуэли произошел одновременно с закатом самого дворянства как такого сословия.

Дуэль как институционализированную форму «выяснения отношений» естественно сопоставить с неинституционализированной формой – дракой. В отличие от дуэли, драка, как правило, спонтанное, нерегламентированное и неуместное поведение, опасное как для участников, так и для окружающих людей. Ее резуль-

таты, как правило, непредсказуемы и сами по себе ничего не означают (не символизируют). Именно для драки справедливы те психологические характеристики конфликтного поведения, которые связывают его с базовыми инстинктами агрессии и враждебности, садистскими наклонностями и жестокостью.

По своей сути драка отличается от дуэли прежде всего тем, что это «игра без правил», где каждый сам себе устанавливает правила и сам же решает, следовать им или нет. Отсюда спонтанность, ситуативность и незавершенность подобного противоборства самого по себе (это уличный конфликт, который прерывается, но никогда сам по себе не завершается, предел ему кладут, чаще всего, внешние обстоятельства).

В конце 2014 г. США приняли Акт о поддержке свободы на Украине, законодательно закрепивший конфронтационную стратегию США по отношению к России на обозримое будущее¹. Этот правовой факт, по сути, повторяет Директиву № 66 «Экономические связи Восток – Запад и санкции, связанности с Польшей», принятую в ноябре 1982 г. Советом национальной безопасности США. Анализ действий стран ЕС и США позволяет констатировать, что эти страны в отношении других стран действуют с позиции силы, без всяких правил. До государственного переворота в Украине и бомбежек восточной части Украины действия этих стран международной общественностью публично и широко не обсуждались. Когда локальные и гибридные войны были относительно далеко от границ России, российская общественность не имела возможности получать достоверные материалы. Ситуация в Украине дала богатейший материал о технологиях государственных переворотов, распространения лжи, формирования вражды и ненависти на территории исторически дружественных государств.

Отсутствие универсальных правил привело к тому, что противоречия на международной арене, а также в сфере понимания и коммуникации стали решаться, в конечном итоге, лишь с помощью силы, грубо говоря, с помощью драки (бой без правил), когда сильнейшая сторона подавляет, а все остальные становятся жертвами, не способными выразить, артикулировать то насилие, которому они подвергаются. Если мы не хотим такого будущего для наших детей и внуков, необходимо формировать такое информационное пространство, в котором люди получали бы достоверную и полную информацию о происходящем в мире.

В конфликте на любом уровне (микро-, мезо- и макроуровне) мы можем обнаружить два противоположных знаковых контента понимания и коммуникации, имеющих силу аргументации и основательности обеих позиций:

– коммуникация как инструмент победы, которая строится на защите только своего интереса, подчинение других своей воле, «продавливание» своего проекта и т.д.;

– коммуникация как инструмент поиска консенсуса (социальная коммуникация), которая строится на договоренностях, взаимных обязательствах и связях. Социальная коммуникация способствует трансформации формы и содержания, что невозможно осуществить вне интенционального процесса.

Конфликт разворачивается в двух коммуникативных сферах/пространствах.

1. Социокультурное пространство конфликта включает в себя 2 основные функциональные группы, которые можно рассматривать как социально-семиотические функции, без которых, собственно, конфликт развиваться не может: участники конфликта и простые наблюдатели. Именно наблюдатели формируют общественное мнение, они в большей степени выражают свое отношение к конфликту и к сторонам конфликта – «за» или «против».

2. Культурное пространство конфликта, которое в отношении к социокультурному пространству дает возможность ввести так называемую действительность. Оно создается профессиональными сообществами. Отношения между соперничествами, опытом, чувствами/эмоциями в конфликте и размышлениями над ними – это и есть то напряжение, которое формирует действительность.

¹ Крашенинникова В. Стратегия экономического и финансового уничтожения России – дубль 2. Доступ: <http://voozl.com/material/strategiya-i-finansovogo-rossii-dubl-2> (проверено 17.07.2015).

В пространстве коммуникации разворачиваются разные коммуникативные стратегии: *партнерская* (стремление к сотрудничеству), *манипулятивная* (стремление к обману в своих интересах), *репрессивная* (принуждение и подчинение слабого в интересах сильного), *псевдокоммуникация* (передача информации и не получение адекватной реакции на нее), *квазикоммуникация* (когда стороны не только не обмениваются информацией, но и не стремятся это делать). Псевдокоммуникация и квазикоммуникация создают иллюзорность общения, на самом деле не затрагивающего механизмы восприятия сказанного [Массовая коммуникация... 2000].

Анализ конфликтов и его результат имеют принципиальное идеологическое, гносеологическое и практическое значение и требуют от каждого субъекта власти самостоятельного и ответственного принятия решений, выбора определенной стратегии и принципов вмешательства в конфликты.

Английский философ Дж.С. Милль в середине XIX в. писал: «...единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека [любого субъекта, коллективного или индивидуального] – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим. Собственное благо человека, физическое или моральное, не может стать поводом для вмешательства, коллективного или индивидуального. Не следует заставлять его делать что-либо или терпеть что-то из-за того, что, по мнению общества, так будет умнее и справедливее. Можно увещевать, уговаривать, упрекать, но не принуждать и не угрожать. Чтобы оправдать вмешательство, нужно выяснить, причинит ли его поведение кому-нибудь вред. Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном – абсолютно независим над собой, своим телом и душой, личность суверенна» [Милль 1993].

На наш взгляд, Россия как мощное государство на всех уровнях жизнедеятельности должна заявить главные принципы, способствующие цивилизованному разрешению конфликтов между государствами, между обществом и личностью, между всеми субъектами жизнедеятельности:

- разрешить конфликт могут только сами участники конфликта;
- насилию сильной стороны над слабой должен противостоять весь мир – силой слова, силой права, силой имеющихся в распоряжении человечества средств защиты.

В стремлении оказать помощь конфликтующим сторонам российская власть, государство, гражданское общество должны опираться на самые лучшие идеи, знания, традиции русской культуры, на гуманные принципы общечеловеческого, которые накопила человеческая цивилизация в сохранении мира и разрешении конфликтов.

Список литературы

- Зиновьев А.А. 2003. *Идеология партии будущего*. М.: Алгоритм. 241 с.
- Зиновьев А.А. 2011. *Фактор понимания*. М.: Агентство «Социальный проект». 517 с.
- Казаков А.В. 2015. «Цветная революция» в России: миф или реальность? – *Власть*. № 4. С. 5-14.
- Козер Л. 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги. 205 с.
- Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства: по материалам круглого стола. 2000. – *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 73-83.
- Милль Дж. 1993. О свободе (пер. с англ. А. Фридмана). – *Наука и жизнь*. № 11. С. 10-15; № 12. С. 21-26.
- Радаев В.В. 2000. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? – *Pro et Contra*. Т. 5. № 3. С. 202-214.

TSOI Lyubov Nikolaevna, Cand.Sci. (Soc.), Head of the Research Committee «Sociology of Conflict», Russian Society of Sociologists (24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117219; tsoi-05@mail.ru)

MAGDEEV Denis Hafizovich, Member of the Research Committee «Sociology of Conflict», Russian Society of Sociologists (24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117219; magdden@gmail.com)

CONFLICT: TWO SIGNIFICANT CONTENTS OF COMPREHENSION AND INTERPRETATION

Abstract. *The article discusses the importance of «the Soviet project» for the understanding of global processes in the world, and the specificity of the conflict as a social object in the context of the methodology of social cognition, according to A.A. Zinoviev. The authors define two institutionalized forms of conflict's interaction, discusses two specific communication strategies with two hardly correlating sign contents of understanding and communication.*

Keywords: *«Soviet project», methodology of social cognition, globalization, conflict as social object, conflict strategies, forms of conflict interaction, communication, conflict of ideas*

УДК 340.12

СОСЕНКОВ Федор Сергеевич — к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Волжской государственной академии водного транспорта (603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5а; fss2005@rambler.ru)

ЕДИНСТВО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемы единства Российской империи в политико-правовых взглядах Ф.И. Тютчева. Категория «единство» была для мыслителя ключевой не только применительно к государству, но и к российскому обществу в целом. Ф.И. Тютчев выделяет свойства законности и незаконности империй не в юридическом, а в моральном смысле. Законность Российской империи и, следовательно, ее право на соответствующую территорию обосновывается преемственностью от Византийской империи и приверженностью православию. Делается вывод, что мыслитель творчески переработал теорию официальной народности, выбрав в триаде «православие, самодержавие, народность» православие в качестве ключевого доминирующего элемента.*

Ключевые слова: *Ф.И. Тютчев, государственное единство, территориальная целостность, православие, сепаратизм, центробежные силы, империя*

Вопросы территориальной целостности государства, обеспечения государственного единства всегда представляли интерес для философов, юристов, политических деятелей различных стран мира на всех этапах исторического развития. Особенно актуальны эти вопросы для многонациональных и многоконфессиональных государств в силу потенциальной возможности воздействия центробежных сил либо имеющихся сепаратистских сил. В рамках отечественных политико-правовых доктрин идеи государственного единства нередко занимали значительное место, отражая стремление к сохранению единства Российского государства.

Федор Иванович Тютчев (1803—1873 гг.) — русский поэт, дипломат и консервативный публицист в своих произведениях развивал идеи государственного единства и противодействия центробежным силам. Категория «единство» была вообще весьма значима для Ф.И. Тютчева не только в государственно-правовом смысле, но и применительно к российскому обществу вообще. Так, он отмечал, что подобное свойство общества весьма полезно для развития России и притягательно для Запада,